

Миршакар
Мирсаид

КРАТКАЯ ЖИЗНЬ
г. Москва

6 КИЯ 1982

Ну-рек! Это звучное слово я впервые услышал в бушующем море. Каспий вздымался тогда восьмибалльным штормом. У пассажиров утлого рыбацкого суденышка ныли еще не совсем зажившие раны, дожимала морская болезнь. Провожал нас, вчерашних бойцов Северо-Кавказского фронта, в эту нелегкую дорогу хмурый ночной Баку. Моряки предупреждали, чего стоит осенняя непогода. Да что делать? Декабрь сорок второго. Бои на Кавказе. Бои под Сталинградом. Побывали и мы в огненном замесе. У кого пуля засела, у кого осколки. Подштопали в полевом госпитале и — за море, долечиваться. Шли вторые сутки изнуряющей болтанки. И вдруг — молодой, не забытый до сих пор голос: «Ну-рек! Ну-у-рек!»

Кричал матрос, таджик по национальности. Ну-рек — слово таджикское. И, будто сила в нем какая-то была:

А случилось это так. Тогда, в декабре сорок второго, я приехал в Ашхабад в потрепанной шинелишке, с вещмешком за плечами. Рядом, поддерживая друг друга, такие же хлопцы, вчерашние бойцы. Старая туркменка по очереди напояла всех нас верблюжьим молоком. Целебная влага возвратила силы. Куда податься? Отпуск — на три месяца. До переосвидетельствования после ранения. Украина еще была оккупирована фашистами. Отец и мать — врачи, на фронте. Где — я не знал.

Молодой моряк, что кричал «Ну-рек!», посоветовал: «Отправляйся, друг, в Душанбе». Вот я и поехал в Душанбе. Сошел с товарняка, иду по главной улице. Скромный, небольшой городок. Прохожие поглядывают с уважением. В основном люди пожилые да дети. Глубокий тыл. Не часто встречались тут солдаты в шинели. В комна-

— В чем дело, сынок? — спрашивал он печально. — Разве я тебе не друг?

Как-то позвал меня в союз писателей Мирсаид, протанул бумажку с адресом фронтального госпиталя.

— Вчера из поезда выгулялся. Сходи, может, встретишь кого из знакомых.

Нашел нужную улицу. У крайнего дома часовой с винтовкой. Погода сырая, мелкий дождик сеется. Вижу, женщина пошла в военной форме. Без шинели, в одной гимнастерке — спешила в дом напротив. Догнав, обращаюсь к ней:

— Товарищ капитан, разрешите...

Женщина повернулась ко мне, и я онемел. То была моя мама.

...Встречались мы с Мирсаидом Миршакаром и после войны. И не раз. На международной встрече детских писателей в Москве, в Праге. Как-то он приезжал в Киев с женой и сыновьями. А мне в Таджикистан ехать долго не выпадало.

Но вот в Душанбе — Неделя детской книги. Летим вместе с Виктором Семеновичем Близиным, детским писателем. Он никогда в Таджикистане не бывал и все расспрашивал меня о военных годах, о давней дружбе с Миршакаром. Отвечал односложно. Не вспоминалось — под крылом самолета седые горы. Вглядываюсь через иллюминатор: где ты, Золотой Кишлак? И вот Душанбе белым плечом повел, прядью быстрой реки. Ни кибиток, ни мазанок. Лебединый, изящный город с восточным акцентом в архитектуре.

Неделя детской книги открылась в лучшем зале Душанбе. В президиуме — правительство республики. Как в дни важнейших народных торжеств. Выступают друзья, детские писатели. Слышу свою фамилию. Выхожу к трибуне, вспоминаю себя солдатом, встретившим здесь в годы лихолетья братскую любовь, хлеб и соль, теплый очаг. Случайность ли это? Нет. В этом закономерность дружбы. От добрых сердец она, от уважения, заботы и внимательности.

На следующий день летим в Ленинабад. Ленинабад — легендарный Ходжент. Он вдвое старше Киева — три тысячи лет. Хлопок и шелк — главное богатство области, вторая молодость.

Пробиваемся сквозь тучи — аэродром кажется цветущей клумбой, красочным восточным огородом. Собралось множество людей. Ряды мужчин в халатах, вскинутые длинные трубы в их руках. Самолет подрулил к праздничным столам. На них — гроздья свежего винограда, круглобокие помидоры, горки миндаля. За каждым столом — Герои Социалистического Труда, пожилые люди. В натруженных руках — пиалы с зеленым чаем. Весело рдают трубы-карнаи. Где еще в мире так встречаются пишущих для детей писателей!

Калибадан — столица миндаля. Не деревца — танцующие фламинго. Из Калибадана — полста километров до Исфары. Исфара в переводе с таджикского — остановись в потрясении. Здесь очаровывает не только миндаль, его вдохновенное цветение. От детворы не оторвать глаз — Жизнерадостной, задорной и удивительно тактичной с малолетства.

Знакомимся здесь с необычными героинями. У них по две звезды: «Матери-героини» и Героя Социалистического Труда. По двенадцать детей у этих тружениц-мам.

Если бы мне предложили: вот тебе ковер-самолет — лети куда пожелаешь, я бы, не задумавшись, воскликнул:

— В Исфару! В Калибадан! В Таджикистан!

Нет границ нашей дружбе. Тепла и звонка ее душа. Об этом думаешь с особой гордостью в год 60-летия образования СССР, взглянув поглубже в собственную судьбу, вспоминая пережитые годы.

Богдан ЧАЛЫЙ.

60 НУРЕК-ОГОНЕК ДРУЖБЫ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

вмиг приуныл шторм, а вскоре и совсем притих. Нас принял порт.

Сейчас слово «Ну-рек» известно всему миру. Оно стало символом дружбы и сотрудничества народов нашей страны, символом общесоюзной ударной стройки. Результатом этого вдохновенного труда стала плотина трехсотметровой высоты на реке Вахш, построенная впервые в мировой практике без цемента, мощная гидроэлектростанция, многонациональный современный город энергетиков. Все это и подразумевается ныне, когда мы говорим — Ну-рек.

Что же за крылатость живет в этом слове? Ну-рек — в переводе с таджикского — огонек. Здесь, где ныне город Ну-рек, был древний кишлак с тем же названием. Под тремя чинарами — чайхана с медным чайником, стайка глинобитных кибиток. Мимо них мчался непокорный Вахш, «славный конь в табуне гор», как сказал поэт.

Таджикистан из глубины веков — орлиное гнездо поэзии. Не было еще в кишлаках ни одного грамотного, кроме муллы, но уже навечно принял в память сердца простой дехканин тысячи строк «Шахнаме», стихи Хафиза и Фирдоуси, рубайи Омара Хайяма. Правдивая поэзия поддерживала веру трудовых людей в будущий расцвет многострадальной земли. Древнейший кишлак на Вахше пророчески звался Огоньком. В фантазии его основателей жил реальный элемент предвидения.

В устном творчестве таджикского народа есть еще один славный Ну-рек, светлый Огонек, именуемый Золотым Кишлаком. Истари существовала в трудовом народе вера, что высоко в горах есть такой кишлак. Люди там, обрабатывая землю коллективным трудом, живут счастливой жизнью, не зная горя и зла.

Народный поэт Таджикистана Мирсаид Миршакар, чье семидесятилетие отмечала недавно наша страна, из богатейшей пряжи народных сказаний выткал свой, неповторимых красок, замечательный ковер — поэму «Золотой Кишлак». Ее действие происходит на заре Октября, в дни созидательных преобразований на таджикской земле. С радостным чувством и большим удовлетворением переводил я полюбившуюся мне поэму на украинский язык. Но то будет позже. Спустя десятилетия после первого знакомства с Таджикистаном, его людьми, культурой.

датуре встал на учет. Сказали: свободен, гуляй. Куда идти? Вдруг вывеска «Союз писателей Таджикистана».

Зашел. В пустой комнате за столом с подшивкой газет склонился широкоплечий таджик.

— Откуда, солдат? Неужели с фронта? — спросил он.

— Да, с Северо-Кавказского, — ответил я.

— Сколько же тебе лет?

Станный вопрос, даже обидный. Фронтовику всегда много, очень много лет. Но во взоре черных, добрых глаз — искренность, доверие.

— Восемнадцать, — ответил сдержанно.

— Признавайся, стихи в окопе тоже пишут?

Тащу из кармана свои бумаги. Хозяин кабинета взял их, протянул руку:

— Давай знакомиться. Мирсаид Миршакар. На фронт не пускают, вот и сижу секретарем нашего союза.

Мирсаид Миршакар не стал захваливать мои солдатские стихи. Покачал головой. Прикрыл глаза ладошкой, подумал. Глажу, тащи из стола книгу учета, бумажки с печатями. И вот у меня в руках талон на два литра хлопкового масла. (Богатство по тем временам!). И адрес кибитки на окраине, где можно пожить.

Однажды Мирсаид повел меня в редакцию. В кабинете ответственного секретаря, как в штабной землянке. Туда вбегали и выбегали люди с бумагами, донесениями. Женщина с усталыми глазами оторвалась от гранок, кивнула на пустой стул. Это была Екатерина Кузьминична Лопатина. Потом я писал ей изпод Курска, с других участков фронта.

Спустя неделю, в «Коммунисте Таджикистана» появилось мое стихотворение под названием «Письмо». С нехитрым, грустным сюжетом, размером всего в шестнадцать строк, стихотворение понаравилось таджикским друзьям. Меня стали приглашать на выступления в школы, в госпитали, на молодежные вечера. Устроился на временную работу. А жил в кибитке старенького таджика. Он пек вкусные лепешки, доил болливую козу. За стол и кров брал одну лишь плату — солдатским табаком. Я не курил. Спали мы рядом на глиняном полу. Я под шинелью. Дед под бараньим тулупом. Замечал удивительный дед, что грущу. И сам молча переживал. Часами мог сидеть, потупя голову, как большая усталая птица после долгого перелета.